

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Розглянуто особливості концептуалізації простору на різних мовних рівнях (морфологічному, лексичному, синтаксичному). Виявлено основні індивідуальні риси просторової концептосфери у російській мові.

Ключові слова: концепт, концептосфера, концептуалізація, мовна картина світу, простір.

Рассмотрены особенности концептуализации пространства на различных языковых уровнях (морфологическом, лексическом, семантическом). Выявлены основные индивидуальные черты пространственной концептосферы в русском языке.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, концептуализация, языковая картина мира, пространство.

In this article the peculiarities of space conceptualization on different language levels such as morphological, lexical and semantic are regarded. Main individual features of conceptual sphere of space in Russian are shown.

Keywords: concept, conceptual sphere, conceptualization, language worldview, space.

Когнитивная лингвистика сегодня – одно из самых массовых языковедческих направлений. В центре внимания когнитологов находятся самые разные аспекты исследования концептов. Концепты исследуются в контексте писательских идиостилей, наивной картины мира, научной картины мира, в контексте межкультурной коммуникации и т. п. Большое внимание традиционно уделяется базовым концептам языковой картины мира.

Одним из таких концептов является **пространство**, исследование общих и индивидуальных черт которого на примере русской языковой картины мира было бы весьма плодотворным. *Целью* данного исследования является описание основных представлений о пространстве в русской языковой картине мира, которые проявляются на различных языковых уровнях (морфологическом, синтаксическом, лексико-семантическом).

Понятие пространства возникло как обобщение понятия места, которое включает в себя как представление о положении какого-либо тела относительно других, так и представления о протяженности тела, его размере и т. д.

В современном представлении пространство – это важнейшая онтологическая категория, форма существования материи, характеризующая её протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие её элементов. Пространство и время являются теми категориями бытия, которые служат неиссякаемым источником для размышлений человека вообще, не только для философов. Категория пространства и времени «входит в число главных бытийных категорий, являя собой две важнейшие из познанных человеком форм существования материи, введенные им в язык как для того, чтобы говорить о сложнейших тайнах вселенной, так и для того,

чтобы постичь простые формы ориентации человека в конкретном месте и конкретном времени» [7, с. 27].

Представления о пространстве довольно существенно отличаются в наивной и научной картинах мира. И даже в рамках научной картины мира можно отметить большие различия в, скажем, физических, геометрических и философских представлениях о пространстве. Как известно, еще в древности возникли две различные концепции пространства. Атомисты (Демокрит, Эпикур, Лукреций) утверждали, что существует пустое бесконечное мировое пространство, которое служит вместилищем вещей, ареной движения тел. По Аристотелю, пространство – это совокупность мест, занимаемая телами.

Идея пустого мирового пространства была позже развита Ньютоном, а понимание пространства и времени Аристотелем легло в основу концепции Лейбница. Сущность пространства, по Ньютону, представляется в виде неограниченного вместилища, объема, отождествляемого им с пустотой. Воззрения Лейбница на пространство являются обобщением непосредственного опыта, оно одушевляется человеческим присутствием, оно трактуется и прочитывается человеком. На опыте мы имеем дело с протяженными телами, занимающими определенное положение относительно других тел. Пространство есть отношение, применимое лишь ко многим телам. Если бы других тел не существовало, то нельзя было бы говорить о протяженности данного тела.

В процессе развития науки понятие людей о пространстве и времени уточнялись и углублялись, но они всегда относились к «фундаментальным понятиям культуры, играя важнейшую роль в человеческом мышлении. Эти понятия настолько фундаментальны, что на определенном развитии культуры они рассматривались как генетическое начало мира» [1, с. 23].

Ориентация в пространстве является одним из самых важных этапов в познавательной деятельности человека, участвующего в формировании сознания. Рассматривая явления восприятия как один из важнейших когнитивных механизмов человеческого существа, говоря о биологических предпосылках строения языковых систем, Е. С. Кубрякова считает, что необходимо учитывать и то, как сказались на их организации принципы восприятия мира. По мнению ученого, «у человека в ходе его эволюции формируются ДВЕ относительно автономных системы виденья мира – так называемая ЧТО-система (what-system) и ГДЕ-система (where-system)» [6, с. 88]. Первая система является своеобразным идентификатором окружающей среды, направленным на противопоставление различных объектов по параметрам фигуры и фона. Вторая система занимается определением расстояния до предметов или объектов, находящихся в пределах видимого обзора. Благодаря второй системе формируются представления об абсолютном расстоянии до какого-либо предмета и об относительном соположении предметов друг относительно друга. Вторая автономная система виденья мира (ГДЕ-система) является первоначальным перцептивным основанием для формирования и понимания концепта **пространство**.

Е. С. Кубрякова справедливо полагает, что наивное представление о пространстве сформировалось раньше, то есть предшествовало научному осмыслению пространственных категорий. Также исследователь говорит о вторичности концепта **пространство** по отношению к базовым концептам **объекта** и **предмета** [6, с. 87]. Это вполне справедливое утверждение, учитывая, что концепт **пространство** традиционно считается концептом-конструктом, который не существует в природе. Он «представляет собой универсальное видение мира, некие ос-

новые координаты измерения или ориентации человека и потому лишён какой-либо оценочности или экспрессивности» [3, с. 413], если речь, разумеется, не идёт о метафорической репрезентации пространственной концептосферы. Концепты такого типа априори являются вторичными по отношению к базовым концептам материально-осязаемого типа.

Материалом к реконструкции древнего донаучного представления о пространстве может служить проявление этой категории в мифологическом мышлении. В. Н. Топоров выделял следующие признаки мифологического пространства:

1) неотделимость от времени;

2) неразрывная связь с вещами, которые конституируют пространство и организуют его структурно (первотворец, боги, люди, животные, растения, элементы сакральной топографии, сакрализованные и мифологизированные объекты из сферы культуры);

3) отделённость пространства от того, что им не является;

4) составность пространства (членение и соединение) и др. [11].

В. Н. Топоров делает заключение, что художественное пространство «сильнее» любого внешнего пространства. В этом смысле такой текст выступает как некое экспериментальное устройство, на котором конструируются, опробуются, проверяются нигде более не мыслимые возможности» [11, с. 284].

Одним из базовых противопоставлений в параметризации концепта **пространство** является оппозиция *верх – низ*. Р. Гжегорчикова предлагает следующую категориальную структуру оппозиции *верх – низ* [2, с. 78]:

1) **Вертикальность**, которая является репрезентацией стандартного восприятия человека позиции объекта по отношению к какой-либо отправной точке координат. Как правило, такой отправной точкой выступает поверхность Земли. Наибольшую значимость эта категория приобретает в предложной системе (локативные предлоги *под, над*), а также для обозначения размера в системе прилагательных (*высокий, низкий*).

2) **Внутренность** – категория, направленная на описание предметов в виде вместилища. Эта категория реализуется в среде лативных и локативных предлогов (в доме, вне дома, из леса), а также является принципиально важным элементом описания семантической структуры некоторых объектов. Так, параметр глубины может быть присущ только предметам, которые имеют внутренность.

3) **Поверхность** – характеристика, которой наделены объекты, имеющие выделенные границы.

4) **Фасад (перёд) и тыльная сторона (зад)** объектов. Эту категорию двух противопоставленных понятий сформировали представления о человеческом внешнем облике (*фасад = перёд, лицо*), что проявилось и в концептуализации движения человека (*человек идёт вперёд*). В результате эти представления переносятся на неживые предметы, что приводит к тому, что большая часть крупных объектов (*дом, машина, икаф, корабль* и т. п.) противопоставлены по этому параметру. Следует также отметить, что представление о локализации предметов может быть абсолютное или субъективное, то есть основанное на представлении конкретного наблюдателя. Например, машина будет для наблюдателя находиться *за* домом, а не *перед* домом, если дом будет находиться между наблюдателем и машиной и т. п.

Говоря о грамматике пространства, И. М. Кобозева анализирует специальный речевой жанр **описание пространства** и предлагает такую схему строения этого жанра [5, с. 156]:

Описание пространства → *Экспозиция* + *Разработка*

Экспозиция → *Категоризация* + (*Уточнение*) + (*Характеризация*) + (*Локализация*) + (*Комментарий*)

Разработка → *Ряд*

Ряд → *Кадр*

Кадр → *Конфигурация* + (*Уточнение*) + (*Характеризация*) + (*Локализация*) + (*Комментарий*)

Конфигурация → *Топос* + *Связка* + *Фигура*

Топос → *Релятор* + *Ориентир*

Экспозиция в жанре *описание пространства* указывает на тип описываемого пространства. *Разработка* является собственно описанием пространства. В *экспозиции* обязательно выражена *категоризация*, которая может быть выражена следующими типами предложений: а) назывное (*Комната*); б) классифицирующее (*Это музей*); в) бытийное (*Перед нами большая зала*); г) восприятия (*Видим интерьер дома*). *Уточнение*, *Характеризация*, *Локализация* и *Комментарий* являются факультативными элементами *Экспозиции*. *Уточнение* может выражаться такими синтаксическими конструкциями: а) предложения с метатекстовым предикатом ([Какая-то серо-зелёная комната.] *Я бы сказала даже зала*); б) назывные предложения ([Видим интерьер дома.] *Аристократический дом*); в) приложения ([На картине какая-то комната.] *Большая зала*); г) дизъюнктивные однородные члены ([Вот это камин] *или печка*); д) уточняющие обороты ([Изображена комната,] *скорее, даже зала в большом дворце*). *Характеризация* выражается характеризующими предложениями ([Видим интерьер дома]... *Потолки шести метров. Пол паркетный. Стены синего цвета*). *Локализация* является особым видом *характеризации*, которая выражается в указании местоположения. Представлена она локативными предложениями ([Две женщины:] *одна сидит, одна стоит у окна*). *Разработка* состоит из *Рядов*, одного или нескольких. *Ряд* представляет собой фрагмент текста, соответствующий связному участку зрительно воспринимаемого пространства. В свою очередь, *ряд* является последовательностью *кадров*. *Кадр* имеет обязательную категорию *Конфигурации*, которая воплощает обыденное понимание пространства, а также факультативные категории *Уточнения*, *Характеризации*, *Локализации* и *Комментария*. Отношения *Конфигурации* отражаются в категории *Топоса*, *Связки* и *Фигуры* (подробнее см. [5, с. 157]). Структура жанра *описание пространства* наглядно «отражает те процессы, которые происходят в сознании человека при восприятии визуальной информации в её вербальном кодировании» [5, с. 161].

Концептуализация пространства на семантическом уровне связана с различными метафорическими и метонимическими переносами, где в качестве исходного или конечного объекта переноса выступает концепт *пространство*. Е. В. Падучева анализирует метонимический перенос *время* → *пространство*. Этот перенос заключается в том, что слова, обозначающие отрезок времени, начинают обозначать «события, происходящие на данном отрезке времени и, следовательно, занимающие определённое пространство» (*расскажи про воскресенье* ‘про то, что происходило / будет происходить – в определённом месте – в воскресенье’) [10, с. 239]. Примечательно, что метонимия такого типа – типично русское (восточнославянское) явление, так как, например, в романских языках подобное развитие значения сопровождается аффиксацией.

Пространственная метафора является одной из фундаментальных метафор русской языковой картины мира. Она охватывает важнейшие понятийные сферы концептуализации языкового сознания. Анализируя названия различных природных объектов, О. П. Ермакова предлагает следующие варианты метафорического осмысления русского ландшафта [4, с. 289–293]:

1. Ландшафтные метафоры могут представлять одно пространство через другое (*бугры волн, море тайги, снежное море, песчаное море, морская пустыня* и т. п.), хотя в целом метафорическим переносам не свойственно оставаться в пределах одной и той же логической категории.

2. Метафоризация человека в образах ландшафта (*гора* ‘огромный и толстый’; *бугор* жарг. ‘начальник’; *остров* ‘выделяющийся среди других’; *река* ‘об изменчивой натуре’; *айсберг* ‘холодный и не до конца понятный’). Кроме того, определённые слои общества могут характеризоваться словами *болото, дно, трясина*.

3. Концептуализация человеческой жизни как плавания *по морю / по реке*, в ходе которого человек может наткнуться на *риффы, подводные камни*, может выбираться на спасительный *берег* во время житейских *бурь* и т. п. Метафорическая картина человеческой жизни активно эксплуатирует названия всех водоёмов и их частей (*ключ, родник, истоки, русло* и др.).

4. Конец человеческой жизни связан с метафорическим переосмыслением названий впадин (*бездна, пропасть, пучина, яма* и др.). Подобная метафоризация обусловлена сакральными представлениями о загробном мире, находящемся под землёй. Это поддерживается и погребальной традицией, где конец жизни связан с погружением тела в яму (могилу).

5. Концептуализация времени в пространственных образах (*время пошло под уклон, достиг вершины дней, пик времени, не за горами* и др.). Жизненный путь в данной модели концептуализируется как движение по горе.

6. Метафорическое обозначение нерасчленённого множества, совокупности, большого количества каких-либо объектов (*горы снега, книг, дел; пропасть (бездна) вопросов, дел; море света, крови, огней; реки (потоки, ручьи) слёз, крови, лавы; океан горя, радости, любви* и др.).

Реализация пространственной метафоры имеет ряд семантических нюансов, а именно:

а) пространственные метафоры зачастую не утрачивают пространственную сему (в случаях *горы снега, реки лавы, море тайги* остаётся значение пространственной протяжённости; в случаях *горы риса, горы мусора* остаётся значение возвышения над плоскостью);

б) пространственные термины в процессе метафоризации продолжают быть тесно связанными с семантикой движения (*из-за гор, к обрыву, на дно, у края бездны*);

в) пространственные метафоры редко выходят за пределы физических отношений;

г) физическая природа пространства оказывает влияние на эмотивный компонент семантической структуры пространственной метафоры (ещё Дж. Лакофф и М. Джонсон показали, что в любой сфере отношений пространственная оппозиция *верх – низ* соответствует шкале *хорошо – плохо* [8]) [4, с. 293–295].

На ментальном уровне пространственная метафора репрезентирует жизнь души. В русской наивной картине мира душа представляется неким закрытым пространством, а также «бесплотным существом, пребывающим в этом пространстве» [4, с. 295]. По отношению к душе реализуются такие пространственные дей-

ствия, как *раскрыть, закрыть, распахнуть, влезть, войти*. «Пространство души имеет другой “ландшафт”: в нём нет *рек, гор, скал, островов*, но есть *пропасти, бездны, безымянные пустыни*» [4, с. 296].

Таким образом, можно говорить о большой значимости концепта **пространство** в русской языковой картине мира. Он активно репрезентируется на различных языковых уровнях. Морфологическая репрезентация связана с системой русских пространственных предлогов и наречий и особенностями их функционирования. Синтаксическая репрезентация формируется речевым жанром **Описание пространства**, то есть теми синтаксическими средствами, которые используются в процессе реализации типовой схемы передачи информации о пространстве. Лексико-семантические особенности концепта **пространство** ярко проявляются в метонимических (*время → пространство*) и метафорических переносах. Метафоризация здесь – один из ключевых процессов, позволяющий в терминах пространства осмысливать другие физические явления, человеческие качества, ментальные характеристики и др.

Библиографические ссылки

1. **Ахундов М. Д.** Концепции пространства и времени: Истоки. Эволюция. Перспективы / М. Д. Ахундов. – М. : Наука, 1982. – 222 с.
2. **Гжегорчикова Р.** Понятийная оппозиция верх – низ (пол. ‘wierzch’ – ‘spyd’) и языковая модель пространства / Р. Гжегорчикова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 78–83.
3. **Евтушенко Е. Н.** Пространственная ориентация / Е. Н. Евтушенко // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – С. 413–424.
4. **Ермакова О. П.** Пространственные метафоры в русском языке / О. П. Ермакова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 289–298.
5. **Кобозева И. М.** Грамматика описания пространства / И. М. Кобозева // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 152–162.
6. **Кубрякова Е. С.** О понятиях места, предмета и пространства / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 84–92.
7. **Кубрякова Е. С.** Язык пространства и пространство языка (к постановке вопроса) / Е. С. Кубрякова // Известия АН. Сер. Литература и язык. – 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 22–31.
8. **Лакофф Дж.** Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : УРСС, 2004. – 256 с.
9. **Логический анализ языка. Языки пространств** / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
10. **Падучева Е. В.** Пространство в облики времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 239–254.
11. **Топоров В. Н.** Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст : семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. – М. : Наука, 1983. – С. 227–285.

Надійшла до редколегії 28.02.12